

IV. НАШИ НОВЫЕ АВТОРЫ

IV. OUR NEW AUTHORS

ВООБРАЖАЕМАЯ РОССИЯ: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КИТАЕ И НА ТАЙВАНЕ

IMAGINED RUSSIA: RUSSIAN LITERATURE IN CHINA AND TAIWAN

УДК: 821.161.1

DOI: 10.153/PEMW20170323

Лю Синь-Хуа

г. Тайбэй, Тайвань

Аннотация. Каждый этнос обладает определенным культурным и языковым своеобразием. неповторимость отдельного народа сопряжена со спецификой ментальных ориентиров и установок, своеобразием национальной картины мира, этническим самосознанием. Национальные черты, национальная прикреплённость текста проявляется в громадном многообразии фактов и признаков. Если художественная литература содействует познанию национальной культуры одной страны, художественный перевод представляет собой ее инструмент. Мировая литература возникла, существует и развивается именно благодаря художественному переводу различных произведений литературного искусства. Богатая на события история России породила не менее богатую культуру и литературу, которые вызывают у иностранцев крайне противоречивые чувства. Хотя у китайцев давно существуют сложные, противоречие стереотипные представления о русских, о России, картина, которую в сознании китайцев оставляет русская литература, прекрасна и уникальна и до сих пор оказывает влияние на китайцев и в Китае, и на Тайване. Русская литература занимает особое место в сознании народов Китая и Тайваня. Читателей двух сторон Тайваньского пролива объединяет любовь к русским писателям XIX и XX в. Интересно отметить, что, хотя

Lyu Sin Chua

g. Taipei, Taiwan

Abstract. Each ethnos has a certain cultural and linguistic originality. The uniqueness of each nationality is associated with specific mental values and attitudes, uniqueness of national world picture and ethnic self-awareness. National features and national texts are manifested in a vast variety of facts and signs. If fiction promotes the knowledge of the national culture of one country, artistic translation is its instrument. World literature emerged, exists and develops precisely because of the artistic translation of various works of literary art. The rich history of Russia gave birth to an equally rich culture and literature, which cause extremely conflicting feelings among foreigners. Although Chinese people have had complex and contradictory stereotypes about Russians, about Russia, the picture that Russian literature leaves in the minds of the Chinese is beautiful and unique, and it still has an impact on the Chinese in both China and Taiwan. Russian literature occupies a special place in the minds of the peoples of China and Taiwan. Readers of the two sides of the Taiwan Strait are united by a love of Russian writers of the 19th and 20th centuries. It is interesting to note that, although there is a difference between these two societies in ideology and the political system, a common love for Russian literature unites them. The author of this article have set herself the following tasks: to explore the concept of «stereotype» of national culture in intercultural communication; to study the influence

между этими двумя обществами и существует разница в идеологии и политической системе, общая любовь к русской литературе их объединяет. Автор статьи поставил перед собой следующие задачи: исследовать понятие «стереотип» национальной культуры в межкультурном общении; изучить влияние фоновых знаний на понимание культуры другого народа через литературу и переводы; выявить восприятие стереотипов России и русских у китайцев; изучить восприятие русской литературы в Китае; изучить восприятие русской литературы на Тайване.

Ключевые слова: русская культура, русская литература, Китай, Тайвань, стереотип.

Для цитаты: Лю Синь-Хуа. Воображаемая Россия: русская литература в Китае и на Тайване // Профессиональное образование в современном мире. 2017. Т. 7, № 3. С. 1301–1313. DOI: 10.153/PEMW20170323

of background knowledge on the understanding of the culture of another people through literature and its translations; to reveal the perception of stereotypes of Russia and Russians from the Chinese; to study the perception of Russian literature in China; to study the perception of Russian literature in Taiwan.

Key words: Russian culture, Russian literature, China, Taiwan, stereotype.

For quote: Lu Xin Quan. [Imagined Russia: Russian literature in China and Taiwan]. *Professional education in the modern world*, 2017, vol. 7, no 3, pp. 1301–1313. DOI: 10.153/PEMW20170323

Введение и постановка задачи. У каждого народа, каждой нации есть свои представления об окружающем мире, о людях, о представителях другой культуры. В обществе складываются определенные стереотипы как относительно себя, своего поведения и традиций в пределах собственного культурного пространства, так и относительно представителей другого языкового и культурного пространства.

На протяжении длительного времени ведется полемика об определении понятия «стереотип», делаются попытки выявить пути формирования и распространения национальных стереотипов в обществе, обсуждается вопрос о влиянии их на отношения между народами. Нет единого мнения у исследователей и относительно правомерности использования самого слова «стереотип».

Термин «стереотип» введен в научный оборот американским социологом У. Липпманом. Он сделал попытку определить место и роль стереотипов в системе общественного мнения. По мнению Липпмана, человек, пытаясь постичь окружающий его мир во всей его противоречивости, создает «картину в своей голове» относительно тех явлений, которые он непосредственно не наблюдал. Человек имеет ясное представление о большинстве вещей еще до того, как он с ними непосредственно столкнулся в жизни. Подобные представления-стереотипы формируются под влиянием культурного окружения данного индивидуума: «В большинстве случаев мы не сначала видим, а потом даем определение, мы сначала определяем для себя то или иное явление, а потом уже наблюдаем его. Во всей... неразберихе внешнего мира мы выхватываем то, что навязывает нам наша культура, и мы имеем очевидную тенденцию воспринимать эту информацию в форме стереотипов» [1, р. 81]. Стереотипы позволяют человеку составить представление о мире в целом, выйти за рамки своего узкого социального, географического и политического окружения. Липпман пишет о том, что стереотипы так настойчиво передаются из поколения в поколение, что часто воспринимаются как данность, реальность, реальный факт. Если же личный опыт противоречит стереотипу, чаще всего происходит одно из двух: человек негибкий, незаинтересованный по каким-то причинам в изменении своих взглядов либо просто не замечает этого противоречия, либо считает его исключением, подтверждающим правило, и обычно просто забывает о нем; человек же восприимчивый, любознательный при столкновении стереотипа с реальностью изменяет свое отношение к окружающему миру. Липпман не считает стереотипы однозначно ложными представлениями. По его мнению, стереотип может быть правдой, или частично правдой, или ложью. Липпман не только ввел в научный оборот термин «стереотип», дал ему определение, но и подчеркнул важность этого явления. «Система стереотипов, – писал он, – возможно, является стержневой в нашей личной традиции, она защищает наше место в обществе, ...а также сохраняет время в нашей занятой жизни и помогает нам спастись от сбивающих с толку попыток увидеть мир устойчивым и охватить его целиком» [1,

р. 95, 114]. То, как мы создаем представление о «внешнем мире», включает в себя то, что с нами происходит, что мы сами видели, чувствовали, оценивали. Этот мир невелик. Большую же часть знаний о мире мы получаем из различных источников через язык, что и образует так называемый «вербальный мир». Соотношение между этими мирами такое же, как между картой и той реальной территорией, которую она представляет.

Если Липпман заложил теоретические основы изучения стереотипов, то американские ученые Д. Кац и К. Брейли в 1933 г. разработали методику, получившую впоследствии широкое распространение и на долгие годы ставшую определяющей для исследователей национальных стереотипов. 100 студентов Принстонского университета приняли участие в проводимом ими эксперименте. В работе, анализирующей результаты эксперимента, Кац и Брейли дают следующее определение: «Этнический стереотип – это устойчивое представление, мало согласующееся с теми реалиями, которое оно стремится представить, и вытекающее из присущего человеку свойства сначала определить явление, а потом уже его пронаблюдать» [2, р. 288–289].

Вторая мировая война дала новый толчок к изучению этнических стереотипов, и с конца 1940-х гг. возникает новая волна интереса к изучению этого явления. Так, по инициативе ЮНЕСКО было проведено широкомасштабное исследование с целью выявления того, 1) как представители одной страны воспринимают народы других стран; 2) какие факторы определяют их восприятие. (Следует отметить, что этот период начала холодной войны характеризуется повышенным интересом к России, русскому национальному характеру.) Опрос ЮНЕСКО проводился в 8 странах. Участникам опроса предлагалось выбрать из 13 определений те, которые, по их мнению, характеризуют русских, американцев, англичан, французов, китайцев и их самих. Большинство работ, посвященных проблемам исследования этнических стереотипов, вышедших в свет в рассматриваемый период, основано на материалах этих опросов. Психолог О. Кленберг, проанализировав результаты опросов, определил понятие «этнический стереотип» следующим образом: «...это картина в умах людей, относительно их собственной или других национальных групп. Подобные образы или представления обычно широко распространены в обществе; как правило, они чрезвычайно примитивны и невосприимчивы к объективной реальности» [3, р. 93].

Теоретико-методологические основы исследования. Видимо, восприятие представителей одной страны народами других стран может установиться через разные средства, в том числе политическое, экономическое, культурное, языковое... и, конечно, через произведения художественной литературы и их переводы.

Язык как зеркало народной культуры, народной психологии и философии, во многих случаях – как единственный источник истории народа и его духа давно воспринимался таковым и использовался культурологами, мифологами, этнологами, лингвистами в их исследованиях. Язык не только отражает реальность, но интерпретирует ее, создавая особую реальность, в которой живет человек.

Каждый этнос обладает определенным культурным и языковым своеобразием. Неповторимость отдельного народа сопряжена со спецификой ментальных ориентиров и установок, своеобразием национальной картины мира, этническим самосознанием. Проявление самосознания на разных этапах развития нации, народности может быть отличным с точки зрения философского, культурологического плана, но в любом случае оно связано с процессом номинации членов своего этнического коллектива, различением представителей своего и чужого этноса. Появление и трансформация этнического имени (этнонима) следует за этапами изменения этнического самосознания.

Проблема «язык и культура» давно интересовала лингвистов. Немецкий историк культуры И. Г. Гердер связывал четыре фундаментальных феномена человека: язык, культуру, общество и национальный дух. Язык по своему происхождению связан с культурой и совершенствуется с обществом. Органическая связь языка с культурой и обществом делает его важнейшим компонентом национального духа. Российский лингвист А. А. Потебня вместе с Ф. И. Буслаевым использовали язык как исторический источник. Они показали, что на основании языковых данных можно реконструировать и конкретные тексты или представления ушедших эпох и историю развития человеческого сознания. А. А. Потебня сформулировал семиотический принцип, суть которого заключается в том, что о духовной жизни древнего человека «можно судить только по знакам, из коих главный есть слово, по знакам, толкуемым содержанием нашей собственной мысли, то есть нашего собственного языка» [4, с. 285–378; 379–444]. А. А. Потебня призывает к исследова-

нию языка в связи с историей народа, с обращением к фольклору и художественным ценностям, составляющим достояние национальной культуры. Он постоянно обращается к понятиям «народ» и «народность». Язык выступает как порождение «народного духа» и вместе с тем как источник национальной специфики народа («народности»).

В художественном произведении, отражающем быт и нравы народов, носителями культурной, этнической информации являются, прежде всего, слова. Наблюдения над языком как хранителем знаний о культуре народа – носителя языка постоянно идут в двух направлениях: от слова к тексту и от текста к слову. Именно благодаря культуроведческому слову, создается, ощущается национальная маркированность текста. Национальные черты, национальная прикреплённость текста проявляется в громадном многообразии фактов и признаков. Описать их полностью сложно, однако рассмотрение даже некоторых из них поможет осветить пусть малую, но все же определенную часть национальной картины мира, часть портрета национальной культуры, так или иначе отраженных в нем.

Любое произведение искусства несет на себе печать времени и пространства: времени создания произведения и времени, отраженного в нем, своеобразие страны и примет локального пространства. Жизненный уклад в каждой стране обладает своими особыми, неповторимыми чертами. Национальная картина мира, отраженная в художественном тексте, крайне сложна и многослойна, и ее необходимо рассматривать не только с филологических, но и с философских, психологических, искусствоведческих и других позиций.

Художественная литература – это средство познания мира, она помогает нам понять, «что такое хорошо и что такое плохо», указывает на истоки общечеловеческих конфликтов. Художественная литература помогает нам увидеть внутреннюю красоту человека, научиться понимать и ценить ее. Художественная литература – это мощный источник воспитания духа, личности. Посредством раскрытия художественных образов литература дает нам понятие о добре и зле, правде и кривде, истине и лжи. Никакие рассуждения, даже самые красноречивые, никакие доводы, даже самые убедительные, не могут оказать на ум человека такого воздействия, как правдиво нарисованный образ. В этом сила и значимость художественной литературы.

Если художественная литература содействует познанию национальной культуры одной страны, художественный перевод представляет собой ее инструмент. Художественный перевод – это особое направление переводческой деятельности, которое представляет собой письменный перевод художественных произведений с одного языка на другой. Основная сложность художественного перевода заключается не в передаче смысла, а в передаче уникального авторского стиля произведения, его эстетики, богатства языковых средств, а также атмосферы, юмора, характера и настроения, заложенных в тексте.

По мнению многих специалистов, художественный перевод является самым сложным видом переводческой деятельности. Обучиться такому переводу крайне сложно, а в большинстве случаев невозможно. Ведь для того, чтобы качественно переводить художественные произведения, необходимо обладать особым врожденным талантом, который следует развивать и совершенствовать на протяжении всей жизни.

Переоценить роль художественного перевода крайне сложно. Неоспоримым фактом является то, что мировая литература возникла, существует и развивается именно благодаря художественному переводу различных произведений литературного искусства. Благодаря ему имена великих писателей стали известны во всем мире, а их произведения – доступны носителям разных языков и культур.

На сегодняшний день любой автор или писатель стремится завоевать не только отечественную, но и мировую читательскую аудиторию. Добиться мировой известности и обрести популярность поможет качественный во всех отношениях художественный перевод. Согласитесь, что даже самое гениальное произведение может оставить читателя равнодушным, а в худшем случае получить негативные отзывы, если его перевод будет поручен «заурядному» переводчику. Вот почему художественный перевод играет важную роль в межкультурном общении.

Результаты.

Восприятие России и русских в Китае. Как изложено выше, в каждом обществе существуют стереотипы, в том числе и о представителях других народов. Конечно, есть такие стереотипы

и у китайцев, уходящие вглубь веков, а именно к тому времени, когда китайцы впервые узнали о том или ином народе.

Как в Китае воспринимают своего ближайшего соседа Россию? Ответить на этот вопрос очень сложно. В целом на протяжении почти 400 лет отношения России с Китаем носили добрососедский характер, но бывали и периоды их ухудшения, а соответственно, негативного восприятия России в Китае. Несмотря на то что на протяжении даже XX в. отношения между двумя странами иногда принимали «прохладный» характер, по инициативе глав государств в 2006 г. в КНР прошел Год Российской Федерации, а в РФ в 2007 – Год Китайской Народной Республики. Оба события прошли с большим успехом и способствовали улучшению взаимопонимания между странами и народами. Однако, оказалось, что среди населения Китая еще бытует такое мнение о состоянии отношений между обеими странами: «в верхах – горячо, а в низах – холодно» [5, с. 8].

Жители Китая поглядывают на северных соседей с интересом, а порой – и с опаской. По их мнению, в русских есть некий очень мощный скрытый потенциал, природа которого остается загадкой. Одной из любопытных статей на тему является работа «Русский национальный характер глазами китайцев», написанная на основании социологических опросов, мнений китайских ученых и собственных наблюдений аспирантки Хэйлуцзянского университета Харбина Цзинь Хуа. Статья повествует не только о национальном характере, но и о некоторых особенностях социальной жизни в России.

Цзинь Хуа приводит данные соцопросов, проводившихся среди китайцев во время Года России в Китае (2007 г.). В частности, на вопрос «Считаете ли вы Россию близкой и дружественной для себя страной?» ответы распределились следующим образом: 6,24% – «очень близкой и дружественной»; 36,47% – «близкой и дружественной»; 46,9% – «обычной, не более близкой и дружественной, чем другие»; 4,1% – «не близкой и не дружественной»; 1,75% – «совершенно не близкой и не дружественной»; 4,54% – «затрудняюсь ответить» [6, с. 2]. Можно предположить, что в нынешних геополитических условиях результаты опросов отразили бы более дружественное расположение китайцев к русским, однако в то же время, отмечает Цзинь Хуа, многие китайцы чувствовали, что русские относятся к ним более «пренебрежительно», чем, например, к европейцам.

В статье автор также выделяет некоторые общие черты русского характера. На первый план автор выносит «громадные скрытые творческие силы и природные способности». Некоторые китайцы даже воспринимают это как источник опасности. Сталкиваясь с трудностями или с несправедливостью, русские обычно не отступают, а могут вступить в спор и борьбу, упорно настаивая на своем.

Еще одна бросающаяся в глаза китайцам особенность россиян – эмоциональность. Автор цитирует китайского исследователя Жан Цзе: «Во время общения со многими русскими, у нас, в конечном счете, сложилось впечатление, что их эмоциональность содержит в себе великий подъем и великий упадок, великую радость и великую скорбь. И это породило у нас всевозможные недоумения...» [6, с. 2].

В целом автор сделал вывод, что китайцы видят в русских некий скрытый потенциал, происхождение которого носит не совсем понятный для них характер. Автор также определяет русский характер, с одной стороны, как твердый и суровый, а с другой – веселый и озорной. По ее мнению, россиянам присущ «комплекс льда и снега» [там же]: любовь к зимним видам спорта и забавам на морозе свидетельствует о способности предаваться веселью, забыв про холод, ветер и прочие невзгоды.

Восприятие русской литературы в Китае. Перевод русской литературы в Китае. Первым в Китае переводчиком произведений западной художественной литературы на общепринятый до «движения за новую культуру» (1916–1919) литературный язык был Линь Шу (林紓 Lin Shu, 1852–1924). Хотя он не знал ни одного иностранного языка и только обрабатывал записанные им на слух устные переводы, которые делались по его просьбе людьми, знающими иностранные языки, за 20 с лишним лет он перевел и опубликовал множество работ западных авторов, среди которых был Л. Н. Толстой («Детство, отрочество, юность», «Смерть Ивана Ильича», «Воскресенье», «Крейцера соната») [5, с. 83]. Итак, можно считать, что первые китайские переводы русской литературы появились в начале XX в. Началось все с классиков, но постепенно стали переводиться и современные авторы. Порядок был таков: вначале Крылов, потом Пушкин, Тургенев, Лермонтов, Толстой, Чехов и др. Поразительно, что первые китайские переводчики выбрали именно самых выдающихся писателей

и их шедевры и представили современникам обширную картину русской литературы. Характерными чертами начального периода восприятия русской литературы в Китае являются то, что перевод не всегда выполнен непосредственно с русского языка, а чаще всего с японского и английского; а также то, что часть переводов была сделаны на древний китайский язык.

«Движение 4 мая» 1919 г. в Китае было культурным движением, цель которого – отход от китайских феодальных культурных традиций и усвоение западной демократической идеологии. В основе этого заимствования – идеи французских просветителей, теория немецкого марксизма и русская литература. Китайская «новая литература» зародилась во время «Движения 4 мая» (оно и называется «движением за новую культуру»), и ее развитие тесно связано с развитием перевода русской литературы в Китае. Основоположники новой китайской литературы выступали в качестве переводчиков русской литературы. Лу Синь (魯迅 Lu Xun) был первопроходцем перевода и исследования русской литературы и первым ее распространителем в Китае. Он перевел произведения Гоголя, Чехова, Горького и других русских писателей. Мао Дунь (茅盾 Mao Dun), ставший позже министром культуры Китая и председателем Союза китайских писателей, еще в 1920-е гг. перевел рассказы Л. Толстого, Чехова, Горького и др. Он тогда был главным редактором шанхайского ежемесячника «Сяошо юебао» (小說月報 Xiao Shuo Yue Bao), где опубликовано много произведений русской литературы. В 1940-е гг. Мао Дунь продолжил свою переводческую работу. Он переводил произведения преимущественно советских писателей: «Народ бессмертен» В. Гроссмана, «Сын полка» В. Катаева и др. Ба Цзинь (巴金 Ba Jin), один из основоположников современной китайской литературы, тоже переводил немало произведений русских писателей, в том числе Герцена, Тургенева, Гоголя, Горького.

После образования Китайской Народной Республики благодаря «братской дружбе» между Китаем и СССР перевод и изучение русской литературы в Китае достигли небывалых масштабов. Десятки миллионов китайцев учили русский язык и читали русскую литературу с интересом, жадной и уважением. Именно благодаря тому, что тогда многие китайцы научились читать русскую литературу в подлиннике, на русском языке, художественный перевод русской литературы быстро развивался. За короткое время, не более 10 лет, почти все классики русской литературы и шедевры советской литературы были переведены на китайский язык. Можно сказать, что целое поколение китайских читателей формировалось под сильным влиянием русской и советской литературы, которая до сих пор является важной частью культурного опыта и воспоминаний представителей этого поколения. В 1950-е гг. десятки тысяч «счастливых» отправились в СССР, и многие из них выбрали русский язык и русскую литературу в качестве своей специальности. После их возвращения домой систематический перевод и исследование русской литературы успешно развивались в Китае.

К сожалению, период такого плодотворного развития культуры продолжался недолго. В 1966–1976 гг. в Китае произошла так называемая «культурная революция», которая, по мнению большинства китайцев, на деле представляла собой уничтожение культуры. В течение десяти лет «смуты» (1966–1976) в Китае все произведения иностранной литературы, в том числе и русской, считались «запрещенными книгами», всякие попытки перевода и изучения иностранной литературы были вне закона. Многие переводчики и ученые-русисты пострадали из-за своей работы или из-за своей профессии. Это период пробела в развитии китайской культуры и в то же время период застоя в переводе и изучении русской литературы в Китае. Но было и исключение, на наш взгляд, крайне парадоксальное. Во второй половине «культурной революции» в Китае вдруг были изданы некоторые советские книги с целью предоставить необходимые материалы «революционным» массам, чтобы они могли критиковать «опасную» «ревизионистскую» культуру. В качестве таких «негативных» материалов для воспитания были опубликованы «Судьба человека» Шолохова, «Теркин на том свете» Твардовского, «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, «Иркутская история» Арбузова, «А зори здесь тихие...» Васильева и др. Неожиданно для власти эти произведения стали популярными, и таким необычным образом продолжалось распространение русской литературы в Китае.

Но каждый «плохой» период сменяется «хорошим». Китайская «политика открытости миру», начатая в 1978 г., распространилась не только на экономику, но и на культуру. Китай испытал на себе разнообразные иностранные культурные влияния, произведения зарубежных писателей одно за другим переводились на китайский язык. В это время возобновилась и деятельность по переводу и изучению русской литературы. Переводчики старшего поколения снова взялись за работу,

а рядом с ними начинали трудиться и их более молодые коллеги. Старые переводы переиздавались, а новые появлялись один за другим. От Ломоносова и Карамзина до Бродского, Виктора Ерофеева и даже Пелевина русские книги массово переводятся на китайский, китайские читатели теперь имеют возможность познакомиться со второстепенными и даже третьестепенными произведениями русских писателей-классиков, с первостепенными произведениями писателей второго ряда. Раньше в Китае было только 2–3 издательства, публикующих переводы русской литературы, а теперь число таких издательств превысило два десятка. Некоторые классические произведения, например «Воскресение» и «Анна Каренина» Льва Толстого, «Евгений Онегин» и «Капитанская дочка» Пушкина, «Герой нашего времени» Лермонтова и «Преступление и наказание» Достоевского, имеют до десяти вариантов перевода, а роман Н. Островского «Как закалялась сталь» – даже двадцать. После начала «политики открытости» исследование русской литературы в Китае вновь обрело официальный статус, появились новые журналы по русской литературе, были изданы новые научные труды о жизни и творчестве русских писателей, а также сформирована Ассоциация китайских исследователей русской литературы. Однако по сравнению с периодом до «культурной революции» доля русской литературы в общем объеме переводимой в Китае иностранной литературы уменьшилась: на первом месте сейчас переводы с английского языка.

Изучение русской литературы в Китае. Сейчас в Китае около 2000 специалистов, изучающих русскую литературу. Это научные сотрудники исследовательских институтов, преподаватели русского языка и русской литературы в вузах и китайские писатели и литературоведы, знающие русский язык и интересующиеся русской литературой. В Китае четыре поколения русистов: переводчики русской литературы до «Движения 4 мая», поколение Лу Синя, выпускники советских вузов и новое поколение.

В государственных, провинциальных и городских учреждениях имеются научные организации разного уровня. В Академии общественных наук Китая существует Институт иностранных литератур, в котором функционирует специальный Отдел русской литературы. Отдел русской литературы был создан вскоре после образования КНР и является одним из старейших и престижных в Академии общественных наук Китая. Это показывает, какое важное место занимают русисты в Академии общественных наук и какая важная роль отведена изучению иностранной литературы в Китае.

В 2001 г. в Харбине был создан Центр изучения русского языка и русской литературы. Базирующийся в Хэйлунцзянском университете Центр является государственным, в нем работают ученые не только из Харбина, но и из других регионов Китая. Подобные институты существуют и при вузах, например, институты иностранных литератур при Пекинском университете, Пекинском университете иностранных языков, Нанкинском университете и Пекинском педагогическом университете.

В Китае около 50 университетов, в которых сейчас преподается предмет «Русский язык и русская литература», изучать который ежегодно начинают более 500 студентов. В обычных университетах эта дисциплина преподается в рамках факультетов или кафедр, а в сильнейших по данной специальности университетах (Хэйлунцзянский университет, Пекинский университет иностранных языков и Шанхайский университет иностранных языков) – специальные институты (колледжи) русского языка. Около 20 университетов или институтов имеют аспирантуру по русскому языку и русской литературе, и ежегодно около 100 аспирантов защищают диссертации и получают научную степень доктора или магистра. Четвертая часть из них выбирает русскую литературу в качестве своей специальности.

Основанная в 1979 г. в Китае «Ассоциация китайских исследователей русской литературы» до сих пор является в Китае самой большой и самой авторитетной организацией в области изучения русской литературы. Опираясь на поддержку университетов и издательств, она почти каждый год организует важные конференции и симпозиумы по разным литературным темам.

Благодаря усилиям всех русистов издание переводов и научных трудов в Китае достигло высшей ступени развития. В Китае ежегодно публикуется около 100 переводов произведений русской литературы, примерно 30 научных книг и более 200 научных статей, посвященных ей. Помимо государственных издательств в Пекине и Шанхае более 20 китайских провинциальных издательств (Нанкинское, Хэбэйское, Чжэцзянское, Гуансийское, Юньнаньское, Хэйлунцзянское и др.) публикуют переводы и труды в области русской литературы. Тираж перевода обычно составляет 5 тыс. экземпляров, но у таких книг, как «Анна Каренина», «Как закалялась сталь» или

сборник стихотворений Пушкина, тираж бывает очень большой, даже более 1 млн. По неполным данным, за 50 лет (при этом не учитывая 10 лет «культурной революции») после создания КНР в разное время были изданы более 1500 названий произведений русских писателей, общий тираж которых составил свыше 90 млн что обеспечивает им первое место в области переводов в Китае.

Первый журнал по русской литературе в Китае появился еще в 1942 г. – ежемесячник «Сулянь Вэнь» («Литература и искусство СССР»), главным редактором которого был русский китаист В. Рогов, тогдашний руководитель шанхайского филиала Агентства ТАСС. Журнал этот систематически знакомил китайских читателей с русской и советской литературой и имел большое значение не только для любителей русской литературы, но и для всего тогдашнего китайского общества.

В 1980-е гг. в разных городах почти одновременно появилось несколько журналов, посвященных русской литературе: «Сулянь Вэньсю» («Советская литература», Пекинский педагогический университет), «Дандай Сулянь Вэньсю» («Современная советская литература», Пекинский университет иностранных языков) и др. У каждого из них были свои интересы и свой стиль, свои читатели и своя среда влияния. Позднее из-за финансовых трудностей и изменения государственной политики в сфере печати этим журналам пришлось объединиться в один по названию «Елосы Вэнь» («Литература и искусство России»), редакция которого теперь находится в Пекинском педагогическом университете. Журнал выходит 4 раза в год, тираж его составляет около 3 тыс. экземпляров. Кроме этого журнала в Китае есть много других журналов по иностранной литературе, где часто печатаются переводы из русской литературы и статьи о русской литературе.

Особенности перевода и изучения русской литературы в Китае. Благодаря литературе прошлого мы можем узнать, как жили наши предки, поскольку большинство писателей, поэтов в своих произведениях поднимали проблемы того времени. Мы можем узнать о культуре, обычаях прошлых лет. Также литература помогает нашему духовному развитию. Мы читаем и изучаем иностранную литературу не только из любопытства или для развлечения, но и для того, чтобы глубже понимать свое общество и свою жизнь, чтобы развивать и обогащать свою литературу и культуру.

Перевод и изучение русской литературы в Китае отличается политическими и социальными чертами. В Китае, согласно официальной трактовке, литература является частью надстройки и «оружием» идеологии. Компартия и правительство социалистического Китая всегда стремятся, чтобы литература служила их целям. Мао Цзэдун сказал: «Октябрь своими пушечными выстрелами послал нам марксизм-ленинизм». С того же времени китайские коммунисты начали учиться у «старшего брата» всему, что было им нужно для борьбы и победы. С одной стороны, они считали, что русская литература является отражением советской жизни и ее надо использовать как «учебник жизни»; с другой – они учитывали, какое место занимает литература в советском обществе. Под воздействием и того, и другого аспектов изучение русской литературы в Китае имеет явную тенденцию к политизации.

Многие первые руководители коммунистической партии Китая являлись первопроходцами в области перевода и изучения русской литературы. Цюй Цюбай (瞿秋白 Qu Qiu-bai), один из первых руководителей Коммунистической партии Китая, был также одним из первых переводчиков русской литературы, первым китайским журналистом, ступившим на русскую землю после Октябрьской революции и даже беседовавшим с Лениным. Он не только оперативно и точно передавал китайскому народу информацию о советской России, но и был организатором и распространителем переводов русской литературы в Китае. Ли Да-чжао (李大钊 Li Da-zhao) – один из основателей Коммунистической партии Китая, один из первых китайских марксистов и коммунистов. В 1913–1917 гг. Ли изучал политическую экономию в Университете Васэда в Японии. В 1918 г. он вернулся в Китай. После возвращения на родину Ли работал профессором и заведующим библиотеки Пекинского университета и был среди первых интеллектуалов в китайской среде, кто поддерживал установление большевистского режима в России. В то время его ассистентом в библиотеке работал Мао Цзэдун, на которого Ли оказал очень большое влияние. Ли еще в 1918 г. в статье «Русская литература и революция», оставшейся тогда неопубликованной, писал, что русская поэзия отличается двумя свойствами: сильной социальной озабоченностью и «гуманистическим» отношением к политической борьбе за свободу [7].

Следует упомянуть, что традиция политизации изучения русской литературы в Китае существовала довольно долго. В Китае политика в области литературы и искусства почти тождественна

советской. В Советском Союзе «единственный» творческий метод – «социалистический реализм», а в Китае – «революционный реализм»; в Китае, как и в СССР, существует официальный Союз писателей; марксистское литературоведение является «направляющим принципом» в области литературы.

В обществе изучение русской литературы в Китае в основном также выступает как просветительная работа и как общественная деятельность. В начальном периоде перевода и изучения русской литературы Лу Синь отмечал, что русская литература много значит для развития китайского общества. Он писал: «И вот тогда мы начали познавать русскую литературу во всей ее силе. С самого начала мы увидели в ней руководителя и друга. В ней мы увидели отраженный дух угнетенного народа, его горе и его борьбу...» [8, с. 460]. «Руководитель и друг» – вот значение русской литературы для китайских читателей, а работу по переводу русской литературы Лу Синь считал «тайным провозом оружия восстающим рабам» [там же].

Изучение русской литературы в Китае, как и литературы вообще, подразумевает высокую ответственность перед обществом. С одной стороны, изучение русской литературы имеет престиж в области культуры, в 1950-е гг. и в относительно продолжительный период после начала «политики открытости» (1980-е гг.) работа по переводу и исследованию русской и советской литературы стояла на первом месте по сравнению с работой по освещению литератур других стран, у исследователей и переводчиков русской литературы было гораздо больше возможностей и они достигли больших успехов. С другой стороны, исследователи русской литературы часто чувствуют себя не так свободно из-за тесной связи с политикой и излишней опеки со стороны Коммунистической партии Китая и правительства. Поэтому в трудах исследователей русской литературы слабее выражены личные мнения авторов и, может быть, недостает научности. Социологизация, как и политизация, и помогает, и в то же время мешает изучению русской литературы в Китае. Но надо заметить, что эти две тенденции в последнее время значительно менее ощутимы. Вместе с появлением нового поколения переводчиков и исследователей изучение русской литературы в Китае все больше и больше сосредоточивается на художественности, на эстетических аспектах литературы, все больше внимания уделяется научности и независимости литературоведческого исследования.

Кроме высших черт, еще существуют две особенности деятельности по переводу и изучению русской литературы в Китае. Одной из них является равное значение перевода и изучения русской литературы в Китае. Китайские специалисты в области русской литературы традиционно уделяют равное внимание переводу и изучению, почти каждый исследователь переводит художественные произведения и почти каждый переводчик пишет о русской литературе, хотя не каждый, конечно, может подготовить серьезную научную монографию. Художественный перевод считается предпосылкой и основой научной работы, а исследование – продолжением перевода и руководством для перевода. Другую особенность представляет собой тесная связь с отечественной литературой. В 1950-е гг. почти каждый известный китайский писатель пробовал переводить русских писателей. Произведения русской и советской литературы становились образцами для творчества китайских литераторов. Китайские читатели почти одновременно с советскими читателями знакомились с новинками советской литературы. В результате русская и советская литература тогда в Китае выступала не как иностранная, а чуть ли не как часть отечественной. Под воздействием этой традиции изучение русской литературы в Китае всегда имело очень тесную связь с китайской литературой.

Еще следует отметить, что китайские русисты в разное время уделяли особое внимание разным аспектам русской литературы. Например, образ «маленького человека» (во время «Движения 4 мая»), образ «нового человека» (после создания КНР), социалистический реализм, теория отражения, эстетика революционных демократов и т.д.. После начала «политики открытости» внимание китайских исследователей привлекали такие темы, как отражение войны в советской литературе, деревенская проза, гуманизм в литературе, литература диссидентов, подпольная и зарубежная русская литература, Серебряный век, теории Бахтина и Лотмана, «другая» проза, постмодернизм и др. В последние годы китайские русисты работали довольно интенсивно и подготовили ряд трудов, привлечших внимание китайского читателя. Это доказывает, что интерес к русской литературе и влияние русской культуры на Китай еще не иссякли.

Восприятие русской литературы на Тайване (перевод и изучение русской литературы на Тайване). Перевод произведений русской литературы в Китае имеет давнюю историю и традицию.

Однако эти переводы не совсем подходят для тайваньских читателей, поскольку из-за различной политической системы и расхождения географических областей китайский язык на Тайване отличается от того, который существует в КНР, поэтому трудно воспринимается, что объясняется различиями как в графике, так и на лексическом уровне.

История перевода русской литературы на Тайване тесно связана с политической обстановкой, имеет свою трудность и часто прерывается разными причинами. Вначале русская литература появляется на Тайване в переводах не с оригинала и даже не в текстах на китайском, а на японском языке. С 1894 г. до 1945 г. Тайвань находился под колониальным управлением Японии в результате Симоносэцкого договора 1895 г., согласно которому Правительство империи Цин уступило Тайвань Японии. В 1945 г., после капитуляции Японии в конце Второй мировой войны, Тайвань попал под юрисдикцию правительства КР. Период японского управления отмечен 50-летним движением «японизации», процессом, при котором доминирует японская культура, оказывающая огромное влияние на местную культуру. Получивший здесь распространение японский язык открыл возможность знакомства тайваньцев с мировой, в том числе с русской литературой. И конечно, переводчиками были японцы, например, Икута Шунгецу – поэт и переводчик, который перевел много произведений И. С. Тургеева [9, с. 109]; Футабатеи Шимей – писатель и переводчик, который писал много эссе о русской литературе [10, с. 173]. Получившие японское образование тайваньские интеллигенты, таким образом, знакомятся с русской литературой и русскими писателями через японский язык и в интерпретации колонистов. В своих воспоминаниях один из тогдашних выдающихся писателей Лун Ин-цзун (龍瑛宗 Long Yin-zong, 1911–1999) писал: «...Я купил в букинисте некоторые полные собрания сочинений, расплатившись иенами. ...“Полное собрание мировой литературы”...» [9, с. 4]. «Причиной, приведшей меня в мир литературы, является роман “Первая любовь” Тургенева» [там же, с. 108]. По свидетельству тайваньского профессора и исследователя Чэнь Вань-и (陳萬益 Chen Wan-yi), «в двадцатые годы тайваньские интеллигенты читали русскую литературу в переводах на японский язык. Произведения русского писателя Толстого и французского писателя Андре Жида уже тогда были им хорошо известны. Когда в Японии стало издаваться полное собрание мировой литературы, у всех тайваньских интеллигентов, писателей, с кем я был знаком, дома стояли на книжных полках эти книги» [11, с. 5].

Чем русская литература привлекала внимание тайваньских интеллигентов? По словам известного тайваньского писателя Е Ши-тао (葉石濤 E Shi-tao, 1925–2008), «в русской литературе тайваньские писатели ценили дух сопротивления империализму, который служил для тайваньцев крепкой поддержкой и утешением» [12, с. 123].

Положение изменилось в 1960-е гг. XX в. после поражения Гоминьдана в 1949 г., когда Чан Кайши возглавил правительство Гоминьдана и перебрался на Тайвань. Потеряв право управления над материковым Китаем, Чан Кайши и его преемники, в том числе его сын Цзян Цзинго принимали радикальные меры, чтобы прервать всякие отношения с КНР и СССР. Потом они установили систему цензуры, отказали в проникновении какой бы то ни было информации и литературы из этих стран на Тайвань. Даже для того, чтобы купить словари за границей, нужно было оформить заявки и пройти через строгие проверки.

Однако интерес к русской литературе в это время быстро рос. На Тайване появлялось много произведений русской классической литературы, например, произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова, переведенные на английский или на японский языки. Особую популярность обрел Ф. Достоевский, что определялось тогдашним увлечением философией экзистенциализма (именно эта черта творчества русского писателя более всего привлекала тайваньского читателя) [13]. Важную роль в приобщении к Достоевскому сыграл писатель Мэн Сян-сэнь (孟祥森 Meng Xiang-sen, 1937–2009), который перевел романы «Игрок» и «Бесы», а также повесть «Записки из подполья». Значительный вклад в приобщение тайваньцев к творчеству русских писателей внесли также Оу Инь-си (歐茵西 Ou Yin-xi), Чжэн Цин-вэнь (鄭清文 Zhen Qin-wen), Лю Сэнь-яо (劉森堯 Liu Sen-yao), Жу Лун (汝龍 Lu Long), Хуан Вэнь-фань (黃文範 Huang Wen-fan) и т.д.

Как сказано выше, все переводчики в это время обращались не к оригинальным текстам, а к их переводам на японский или на английский языки, поэтому во многих произведениях русской литературы на китайском языке существуют ошибки и неправильные толкования. Например,

известный тайваньский писатель Чжэн Цин-вэнь перевел ряд рассказов Чехова и роман в стихах А. Пушкина «Евгений Онегин» исходя из японского перевода, в результате пушкинский роман был изложен прозой, к тому же были переведены лишь восемь глав, опущены «Отрывок из путешествия Онегина» и десятая глава. Роман, кроме всего этого, получил также другое название «Вечный возлюбленный». Однако, несмотря на сомнительные переводы, эти работы представляют определенную ценность в деле приобщения к русской литературе тайваньского читателя.

Кроме того, следует упомянуть, что в это же самое время изучение и исследование русской литературы развивалось параллельно с переводами русской литературы. В двух крупных университетах Тайваня, в Государственном университете Чжэнчжи и в Университете китайской культуры работали профессора и ученые, которые возглавили исследование русской литературы на Тайване: Ван Чжао-хуэй (王兆徽 Wang Zhao-hui), Оу Инь-си, Ма Чжао-сюн (馬兆熊 Ma Zhao-xiong), Чжуан Хун-мэй (莊鴻美 Zhuang Hong-mei), Ли Си-мэй (李細梅 Li Xi-mei), Сун Юнь-сэнь (宋雲森 Song Yun-sen) и т.д. Профессор Оу Инь-си издала книгу «Русская Литература в разных аспектах» (1979), первую книгу на Тайване, которая знакомила с историей русской литературы. Важно отметить, что эти ученые занимались исследованием, употребляя материалы на китайском, русском, английском, японском и даже немецком языках. Благодаря их усилиям изучение и перевод русской литературы стабильно развиваются.

Одним словом, в 1960–1980-е гг. под влиянием перипетий исторических событий Тайвань и Россия (тогда еще СССР) оказались разделены непроницаемой политико-идеологической «стеной» так, что на протяжении более чем полувека находились в состоянии почти полного взаимного отчуждения. Лишь с 1990-го г. президент Ли Дэнь-Хуэй пропагандировал тайванизацию и проводил агрессивную внешнюю политику, которая изменила эту прискорбную ситуацию, и в результате открытия «шлюзов» тайваньцы молодого поколения получили возможность учиться в российские университеты. Вернувшиеся домой после учебы в России молодые студенты стали сеять здесь привезенные ими с собой семена русской культуры, позволяя жителям Тайваня больше узнать о «далекой северной стране» и способствуя налаживанию двухстороннего общения и углублению взаимопонимания народов.

Именно в этот период на Тайване резко возрос интерес к русскому языку и русской литературе. Появилось много произведений русской классики, переведенных с русского языка на китайский, например: «Избранные стихи русских поэтов XVIII–XX веков» (Оу Инь-си), драматургия Чехова (Чэнь Чжао-линь), «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя и т.д. К сожалению, переводчики обращались к русской классике, а современная русская литература остается вне поля их зрения. И лишь с середины первого десятилетия XXI в. обстановка меняется: в этот период на Тайване переведены на китайский язык 5 романов С. Лукьяненко, три произведения Л. Улицкой, два романа В. Пелевина, по одному роману Б. Акунина, О. Робски, Ю. Полякова, И. Денежкина, П. Дашковой. Хотя объем переводов остается небольшим, мы верим, что это только начало. Главное, что тайваньские читатели могут познакомиться с более реалистическими произведениями с русских оригиналов. Главными переводчиками являются Чю Гуан (丘光 Qiu Guang), Янь Дин-цзя (鄢定嘉 Yan Ding-jia), Сюн Цзун-хуэй (熊宗慧 Xiong Zong-hui), Чжоу Чжэн-цан (周正滄 Zhou Zheng-cang), Чэнь Цуй-э (陳翠娥 Chen Cui-er) и т.д. В 2010 г. в столице Тайваня Тайбэе открылось первое издательство «Вишневым сад», которое специализируется на издании произведений русской литературы. Реакция книжного рынка на выход произведений русской литературы была хорошей. Это свидетельствует о том, что переводную русскую литературу на Тайване ожидает хорошее будущее.

Чем русская литература привлекает внимание тайваньских читателей? Знакомство с русской литературой продемонстрировало ее насыщенность философской и религиозной мыслью, стремление писателей непременно искать решение важнейших для человека и человечества в целом проблем, стремление найти ответы на самые серьезные вопросы, которые ставит перед человеком жизнь. И, разумеется, благодаря русской литературе человек, живущий далеко от России, получает возможность узнать ее, войти в мир ее культуры, понять живущего в ней человека, убедиться в том, как много общего у людей, представляющих очень разные миры.

Выводы. Русская литература занимает особое место в сознании народов Китая и Тайваня. Среди прочих достоинств русской литературы есть одно, быть может, самое ценное – это ее постоянное стремление сеять «разумное, доброе, вечное», ее настойчивый порыв к свету и правде.

Русская литература никогда не замыкалась в области чисто художественных интересов, ее творцы всегда были не только художниками, описывающими явления и события, но и учителями жизни, защитниками «униженных и оскорбленных», борцами против жестокости и несправедливости, приверженцами истины и веры.

Русская литература чрезвычайно богата как положительными, так и отрицательными образами. Наблюдая за ними, читатель имеет возможность пережить всю гамму чувств – от негодования и отвращения ко всему низкому, грубому, лживому до глубокого восхищения, преклонения перед истинно благородным, мужественным, честным.

Читателей двух сторон тайваньского пролива объединяет любовь к русским писателям XIX и XX в. Китайские читатели предпочитают следующую «пятерку» русских классиков: Льва Толстого, Тургенева, Достоевского (три прозаика), Пушкина и Лермонтова (два поэта). А самые любимые китайцами русские писатели XX в., если судить по объему тиражей, – это Горький, Маяковский, Есенин, Ахматова, Пастернак, Булгаков, Островский, Шолохов, Солженицын. У каждого из вышеупомянутых авторов уже вышло в свет полное собрание сочинений или многотомное избранное на китайском языке.

Тайваньские читатели питают особые чувства к следующей «пятерке» русских классиков: Льву Толстому, Чехову, Достоевскому (три прозаика), Пушкину и Лермонтову (два поэта), а самые любимые тайваньцами русские писатели и поэты XX в., Булгаков, Ахматова, Пастернак, Шолохов, Солженицын, Бунин, Лукьяненко, Улицкая.

Интересно отметить, что, хотя между этими двумя обществами и существует разница в идеологии и политической системе, общая любовь к русской литературе их объединяет, устанавливая между ними тесные связи и контакты. Каждый год они приглашают друг друга на научные конференции или симпозиумы. Это способствует восприятию русской культуры в самых светлых тонах и развитию русской литературы как в Китае, так и на Тайване.

Хотя у китайцев давно существуют сложные, противоречивые стереотипные представления о русских, о России, картина, которую в сознании китайцев создает русская литература, прекрасна и уникальна, и она до сих пор оказывает влияние на китайцев и в Китае, и на Тайване. Одним словом, русская литература создает в сознании китайцев прекрасную картину о загадочной северной стране, пусть она и получается вообразимой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Lippman W.** Public Opinion. N.Y., 1950.
2. **Katz D., Braly K.** Racial Stereotypes in One Hundred College Students // Journal of abnormal and Social Psychology, 1933, vol. 28.
3. **Klenberg O.** Tensions Affecting International Understanding, 1950.
4. **Потебня А.А.** Слово и миф. М., 1899.
5. **Тихвинский С.Л.** Избранные произведения. М.: Наука, 2012.
6. **Цзинь Хуа.** Русский национальный характер глазами китайцев [Электронный ресурс], 2007. URL: http://ojkum.ru/arc/lib/2013_02_16.pdf (дата обращения: 29.08.2016).
7. **Ли Дачжао.** Русская литература и революция [Электронный ресурс] / Ли Дачжао Вэнь Цзи. URL: <http://src.people.com.cn/BIG5/69112/71148/71151/4847312.html> (дата обращения: 22.08.2016).
8. **Лу Синь.** Лу Синь Цюань Цзи. М.: Нар. лит. изд-во, 1982. Т. 4.
9. **Лон Ин-цзун.** Полное собрание сочинений: в 8 т. Тайбэй: Нан-тиэнь, 2006. (На кит. яз.).
10. **Чжан Шэнь-цзэй.** На предложение о Тайваньской новой литературе / под ред. Ли Нань-хэн. Тайбэй: Минь-тиань, 1979. Т. 5 (На китайск. яз.).
11. **Чэнь Вань-и.** Лекции о тайваньской прозе: Тайваньская проза в эпоху японской колонизации, Чжан Хуа [Электронный ресурс] // Цифровой музей им. Лай-Хэ. 2000, 12 февраля. URL: http://cls.hs.yzu.edu.tw:88/LAINE/C1/c12_021cj.htm (дата обращения: 15.09.2016).
12. **Е Ши-тао.** Вспоминания о литературных годах. Тайбэй: Джио-Гэ, 2006. (На китайск. яз.).
13. **Сюн Цзун-хуэй.** Переводы произведений русской литературы на Тайване. Вчера и сегодня [Электронный ресурс] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2011. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/perevody-proizvedeniy-russkoy-literatury-na-taivane-vchera-i-segodnya> (дата обращения: 09.07.2016).

REFERENCES

1. **Lippman W.** Public Opinion. N.Y., 1950.
2. **Katz D., Braly K.** Racial Stereotypes in One Hundred College Students. *Journal of abnormal and Social Psychology*, 1933, vol. 28.
3. **Klenberg O.** Tensions Affecting International Understanding, 1950.
4. **Potebnya A.A.** *Slovo i mif* [Word and myth]. Moscow, 1899.
5. **Tikhvinsky S.L.** *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected proceedings]. Moscow, Nauka Publ., 2012.
6. **Jin Hua.** *Russkiy natsionalnyy kharakter glazami kitaytsev* (Russian national character through the eyes of the Chinese). Available at: http://ojkum.ru/arc/lib/2013_02_16.pdf (accessed August 29, 2016). (In Russian).
7. **Li Da-zhao.** *Russkaya literatura i revolyutsiya* (Russian literature and revolution). «Li Dazhao Wen Ji». Available at: <http://cpc.people.com.cn/BIG5/69112/71148/71151/4847312.html> (accessed August 22, 2016). (In Chinese).
8. **Lu Xun.** [Lu Xun Quan Ji]. Moscow, People's Literary Publ., 1982, vol. 4.
9. **Long Yin-zong.** [Complete works: in 8 vol.]. Taipei, Nan-tien Publ., 2006. (In Chinese).
10. **Zhang Shen-tsiei.** [On the proposal for Taiwan's new literature]. Taipei, Minh-tian Publ., 1979, vol. 5 (In Chinese).
11. **Chen Wan-yi.** Lectures on Taiwanese prose: Taiwanese prose in the era of Japanese colonization, Chzhan-Hua. Digital Museum im. Lai-H, 2000, on the 12th of February. Available at: http://cls.hs.yzu.edu.tw:88/LAIHE/C1/c12_021cj.htm (accessed September 15, 2016). (In Chinese).
12. **E Shi-tao.** [Recollections of literary years]. Taipei, Gio-ge Publ., 2006. (In Chinese).
13. **Xiong Zong-hui.** [Translations of Russian literature in Taiwan. Yesterday and today]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika. = Bulletin of RUDN University. Series: Literary criticism and journalism*, 2011, no. 2. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/perevody-proizvedeniy-russkoy-literatury-na-tayvane-vchera-i-segodnya> (accessed July 9, 2016). (In Russian).

Информация об авторе

Лю Синь-хуа – профессор кафедр славянского языка и литературы, Национальный Chengchi университет, Тайвань.

Принята редакцией 30.06. 2017

Information about the author

Lyu Sin Chua – Professor at the Chair of Slavic Languages & Literatures, National Chengchi University, Taiwan.

Received 30 June 2017